

ПАМЯТИ АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА И ЯКОВА АНДРЕЕВИЧА РИХТЕРОВ

Недавно ушёл из жизни хороший друг нашего журнала Я.А. Рихтер. Остались материалы, которые он готовил для «Историко-биологических исследований» (работа была закончена его дочерью Т.Я. Рихтер), и мы публикуем их вместе со статьёй, посвящённой памяти самого Я.А. Рихтера.

DOI: 10.24412/2076-8176-2022-3-27-52

Перед выбором: служение науке или обществу. А.А. Рихтер в событиях накануне и во время первой русской революции, Санкт-Петербург, 1897–1906 гг.

Я.А. РИХТЕР, Т.Я. РИХТЕР¹

¹ Независимый исследователь, Саратов, Россия; errato19@gmail.com

Общественная деятельность А.А. Рихтера (1871–1947) — известного учёного, ботаника и физиолога растений России первой половины прошлого века — до сих пор не изучена. В начале века перед ним встал выбор: служение науке или обществу, поначалу в своей деятельности он пытался совместить эти цели. Его активность проявилась ещё накануне первой русской революции 1905–1906 гг. во время студенческих волнений в Санкт-Петербургском университете, затем — в ходе самой революции в событиях внутри и вокруг университета. Он был солидарен со студентами, поддерживая их требования и протесты против политики руководства университета и властей, вместе с другими младшими преподавателями он выступал в оппозиции ректору и консервативной профессуре, добиваясь улучшения условий труда и уважения их прав. После поражения революции отошёл от политической деятельности и вернулся к научной работе. Тем не менее, на протяжении многих лет он сотрудничал в Обществе вспомоществования студентам университета, а также участвовал в деятельности земских органов Калужской губернии. Однако его отношения с руководством факультета и универси-

тета, а также с некоторыми коллегами были испорчены, что непоправимо сказалось на его служебной карьере.

Многие исторические и биографические материалы и документы, использованные в статье, публикуются впервые, другие, включая ранее опубликованные, оставались неизученными и не рассматривались в этом контексте.

Ключевые слова: младшие преподаватели, А.А. Рихтер, Академический союз, Общество вспомоществования студентам, Земский союз, Радикальная партия, Санкт-Петербургский университет.

Введение

Известно, что российский учёный, ботаник и физиолог растений А.А. Рихтер (1871–1947), впоследствии действительный член Академии наук СССР, в молодые свои годы был не чужд общественной и политической деятельности. По разным причинам этой теме его биографы почти не касались, и она осталась неизученной. Но она важна для понимания того, как и при каких обстоятельствах формировались его личность и убеждения, определившие его поведение и поступки при выборе жизненного пути. Он окончил Императорский Санкт-Петербургский университет (ИСПБУ) в 1893 г. и был оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре ботаники. Затем он был назначен хранителем ботанического кабинета и стал ассистентом профессора при проведении практических занятий. В начале 1898 г. скоропостижно умер его отец, чиновник министерства финансов и крупный экономист. Он унаследовал имение в Калужской губернии и женился. Таким образом, он стал самостоятельным человеком и мог принимать решения. Одним из таких решений было вступление в Общество вспомоществования недостаточным студентам (1899), другим — участие в выборах в местном земском собрании (1900).

Время предъявляло свои императивы: в университете усиливалось брожение студентов, недовольных репрессивной политикой правительства и ректора, что не могло не вызвать сочувствия и солидарности в среде преподавателей. Вчерашний студент Андрей Рихтер не остался в стороне и был захвачен нарастающей волной событий. Он был откровенен и честен, не стал скрывать своих мыслей от товарищей по кружку «Маленьких ботаников», который он посещал уже несколько лет (Рихтер и др., 2018). Они в шутку называли его поведение «брожением» — наподобие процесса, изучаемого физиологами растений, в том числе и самим Рихтером, со времен его открытия Луи Пастером. Он больше не участвовал в собраниях кружка, но причины его ухода остались неизвестными. Это было довольно странно, но объяснимо: в это время (1899–1901 гг.) он был увлечён постановкой новых экспериментов в кафедральной лаборатории физиологии растений (Максимов, 2017), и ему вообще не хватало времени — он втянулся в текущие дела Общества вспомоществования студентам.

Молодой Андрей Рихтер был не одинок: в это время в среде преподавателей университетов и других вузов Санкт-Петербурга и Москвы появились новые критически настроенные молодые люди. И мы обнаруживаем их появление накануне грядущих грандиозных событий, их действия как бы предвещают то, что приобретало затем открытый характер массовых выступлений.

До сих пор было найдено не так много документальных свидетельств участия А.А. Рихтера в событиях этих и последующих лет. Некоторыми авторами упоминалось, обычно в нескольких словах, о его общественно-прогрессивной активности в эпоху первой русской революции, но никаких сведений об этом не приводилось (Сухоруков, 1949). Недостаток информации неслучаен: эта проблема для историков очевидна на многих примерах деятелей науки и образования, выдвинувшихся или сохранивших свой статус в последующие советские времена и вынужденных заниматься политической «косметикой». Проблема их реального участия в общественных движениях и революционных событиях, как правило, не рассматривалась, так как получила в целом своё освещение с «классово-партийных» позиций. Именно поэтому приходилось умалчивать о фактах своей биографии и заниматься её камуфляжем. Следы таких трансформаций становятся явными при знакомстве с материалами современных исследований (Бубырева, Гельтман, 2020). Тем не менее в анкетах начала 1930-х гг., сохранившихся в его деле¹ об избрании в Академию наук СССР, А.А. Рихтер прямо сообщал о своём происхождении из дворян и членстве в так называемой радикальной партии во время революции 1905 г.

Для самого А.А. Рихтера и его научной судьбы общественная активность сыграла негативную роль: она во многом повлияла на его репутацию в глазах начальства и снизила его шансы на успешную карьеру. Нам представляется поэтому, что пример А.А. Рихтера достаточно характерен для того времени и предлагаемый материал может оказаться небезынтесным для исследователей. Он представлен документами архива ИСПБУ, главным образом журналами (протоколами) заседаний его Совета, опубликованными, но малоизвестными годовыми отчётами Общества вспомоществования студентам при ИСПБУ, документами из архивного личного дела. Были также использованы некоторые публикации в открытой печати того времени и свидетельства современников. Сам А.А. Рихтер не оставил своих записей и воспоминаний, во всяком случае они не сохранились. Поэтому в какой-то степени важнейшим материалом для суждения о его взглядах и оценках событий явились его письма позднейшего периода к В.Л. Комарову, сохранившиеся в фонде последнего в АРАН.

В начале XX в. ощущалось приближение времени больших перемен, и студенческая молодёжь чувствовала необходимость и неизбежность перемен, была готова встретить революционную волну и участвовать в событиях. Это осознавал и молодой Андрей Рихтер (рис. 1), ещё недавно бывший студентом, — он стремился помочь нуждающимся студентам в улучшении их быта и условий учёбы. Сам он принадлежал к вполне обеспеченной семье высшего чиновного уровня в С.-Петербурге, семье потомственных дворян, владевшей поместьем в Калужской губернии. Его отец — тайный советник, член совета министра финансов, был крупным экономистом, разрабатывавшим под руководством Н.Х. Бунге реформы налогового дела в России. Казалось бы, у молодого Рихтера не было оснований становиться в оппозицию существующему порядку, тем более — в ряды активных участников антиправительственных выступлений. Но мы должны вспомнить о традициях этой семьи, о том, что его отец в молодости, пришедшейся на начало знаменитых 1860-х гг., был среди той молодёжи, в которой начали формироваться революционные кружки

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 11. Д. 334.

будущей «Земли и воли»². И сын, конечно, об этом знал и, воспитанный в понятиях чести и благородства, высоко ставил идеалы отца, вдохновлявшие не одно молодое поколение в России. Решив посвятить себя научной деятельности, он не мог остаться в стороне от насущных проблем общественной жизни. И в первую очередь это были проблемы университетского сообщества преподавателей и студентов, многие из которых были настроены против ограничений прав студентов, свободы слова и собраний, внесённых в университетский устав 1884 г., и запретительных полицейских мер по предотвращению публичных собраний и выступлений. Как и многие, он встал перед выбором: заниматься избранной им наукой или посвятить свою деятельность служению общественным интересам. Возможно, ещё не осознавая этого, он пытался совместить эти несовместимые цели и на первых порах действовал импульсивно, следуя примеру своих старших коллег и учителей, защищавших интересы студентов и солидарно с ними выступавших.

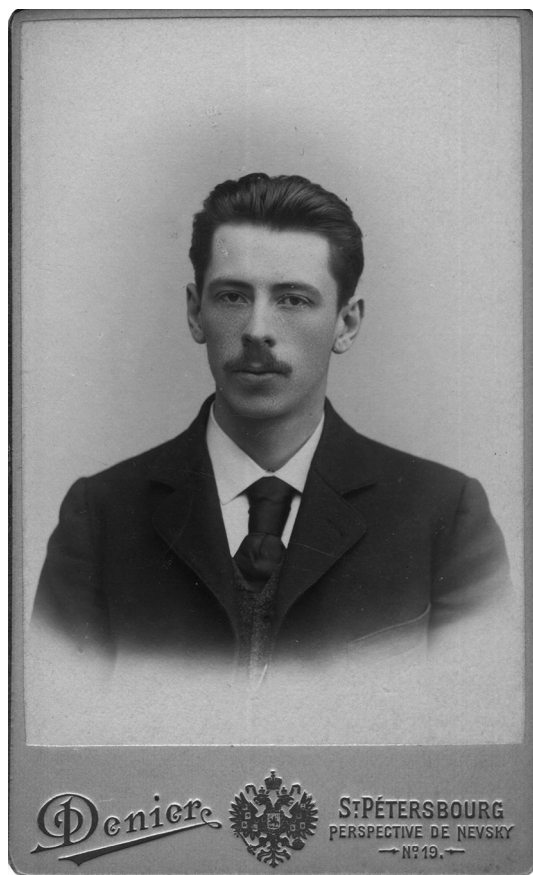

Рис. 1. Андрей Александрович Рихтер, хранитель Ботанического кабинета. 1902 г.

Fig. 1. Andrey Aleksandrovich Richter, Curator of the Botanical Cabinet. 1902

² Участие Александра Александровича Рихтера (1836–1898) в событиях начала 60-х гг. XIX в. и первых организациях «Земли и воли» известно из документов архивов и свидетельств современников (Пантелеев, 1958, с. 166–167, 340–341; Слепцова, 1933).

В конце 90-х гг. XIX в. в Санкт-Петербургском университете было неспокойно, и недовольство студентов часто выплёскивалось на улицу. 4 марта 1897 г. прошла студенческая демонстрация у Казанского собора, в которой активное участие принял профессор А.С. Фаминцын, шедший во главе демонстрантов (Строгонов, 1996, с. 100). Естественно предположить, что вместе с ним был и А.А. Рихтер, его ученик и ассистент на Бестужевских курсах (они вместе затем прекратили занятия на этих курсах). Студенты пришли почтить память В.Ф. Ветровой, совершившей в Петропавловской крепости протестное самоожжение, и просили отслужить панихиду. Попросил об этом и А.С. Фаминцын, но тщетно. Митинг был прекращён полицией, и наиболее активные участники демонстрации во главе с Фаминцыным были препровождены в полицейский участок. Вряд ли молодой Андрей Александрович мог оставить его в такой ситуации.

Ещё одна студенческая демонстрация состоялась 8 февраля 1899 г., после торжественного акта по случаю 80-летия университета, когда студенты протестовали против реакционной политики властей и распоряжений ректора В.И. Сергеевича, пытавшихся предупредить эти события. Полиция не пустила расходившихся студентов на Дворцовый мост — выход на Невский проспект (старый наплавной мост напротив Петровской площади) и оттеснила их к Румянцевскому скверу. Здесь конные полицейские разогнали толпу студентов нагайками. Последовал взрыв протеста — сходки и митинги в университете, в ответ на них была введена полиция. С 16 февраля в университете были прекращены занятия (Доклад Ванновского о студенческих беспорядках 1899 г., 1906). Неизвестно, был ли А.А. Рихтер участником этой демонстрации и последующих событий, но мы достоверно знаем, что позднее, в 1900 г. он оказался в поле зрения полицейских властей. В архиве попечителя С.-Петербургского учебного округа сохранилось дело «О привлечении к дознанию преподавателя Университета А. Рихтера, обвиняемого по статье 252», очень серьёзной статье Уложения о наказаниях, в некоторых частях грозящей каторжными работами³. В деле⁴ находятся два письма: одно — от ректора университета попечителю С.-Петербургского учебного округа 24 октября 1900 г., второе — от попечителя начальнику С.-Петербургского жандармского управления. В первом письме передано содержание полученного ректором отношения начальника жандармского управления:

Хранитель ботанического кабинета вверенного Вам Университета Андрей Рихтер привлечен к дознанию, производящемуся при вверенном мне Управлении, по обвинению его в преступлении, предусмотренном 252 ст. «Уложения о наказаниях». Мерово пресечения Рихтеру способов уклоняться по сему делу от следствия и суда принято обязательство подпиской о невыезде из С.-Петербурга. <...> Имею честь просить распоряжения Вашего превосходительства о доставлении мне личных документов Рихтера.

³ Указанная жандармским начальником статья в частности предусматривала: «За составление и распространение письменных или печатных сочинений и за произнесение публичных речей, в коих, хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против Верховной Власти, ... или же дерзостно порицать установленный государственными законами образ правления, ... виновные в том подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на время от 4 до 6 лет».

⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 2. Д. 41.

Ссылка на такую статью могла означать, что предъявленное обвинение основывается по крайней мере на каких-то высказываниях А.А. Рихтера, истолкованных кем-то в противозаконном смысле. Ректор на следующий день обратился к своему начальству, и попечитель учебного округа так же быстро отреагировал, составив на полях краткий проект своего обращения жандармскому генералу. Вот эта запись:

Очень странно. Нужно съездить сегодня же 26 окт.

Г. Начальнику С.Пб. Губернского Жандармского Управления.

Ректор С.Пб. Унив. донес мне на основании отношения Вашего превосход. от ... за № ... о том что хранитель ботанического кабинета Андрей Рихтер привлечен к дознанию по обвинению его в преступлении, предусмотренном ст. 252 Уложения о наказаниях. Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше превосход. о сообщении ближайших сведений по обвинению г. Рихтера командируемому мною для этой цели Помощнику моему дейст. стат. сов. Сергею Феодор. Спешкову.

Попеч. Н. Сонин⁵

Дальнейшее продолжение дела следует искать в архивах С.-Петербургского жандармского управления, если оно сохранилось⁶. Не будем гадать о конкретном содержании дела, но во всяком случае оно осталось без серьёзных последствий, скорее всего, за недоказанностью обвинения, и было вскоре закрыто. Но последствия всё же были: на прошении ректора университета от 15 февраля 1901 г. попечитель учебного округа наложил краткую резолюцию: «я не признаю возможным ходатайствовать о командировании за границу, с учёною целью, хранителя ботанического кабинета вверенного вам университета титулярного советника Андрея Рихтера. Попечитель Н.Сонин»⁷. Пометка на полях: «Сообщено декану Физ.мат. ф-та. 23 февр.». И запланированная поездка сорвалась.

Именно к этому времени относятся упоминания в отчёте кружка «Маленьких ботаников» за 1900 г. об особой роли «политического обозревателя», взятой на себя А.А. Рихтером (рис. 2), а также в отчёте за 1902 г. — о его «брожении» и «самоизвержении» (внезапном уходе) из кружка (рис. 3). Андрей Александрович 24 апреля 1901 г. подал новое прошение о поездке за границу, в Германию, «для занятий в лаборатории проф. Косселя⁸ в Марбурге с 1 мая по 1 сентября»⁹. Однако разрешение

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 2. Д. 41.

⁶ Нами было найдено в ЦГИА единственное упомянутое дело о дознании, касающееся А.А. Рихтера. В ЦГИА есть фонд Петроградского губернского Жандармского управления (Ф. 1702, 1896; 1903; 1906; 1915–1916 гг., 9 дел., оп. 1–2) — там другие годы и дела. Поиски документов жандармского управления ждут своих исследователей, особенно если таковые работают в СПб. См. также статью А.Г. Румянцева [Электронный ресурс]. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/6714/rumyancev-istoriya-peterburgskogo-petrogradskogo-policeyskogo-arhiva-1838-1917> (дата обращения: 04.05.2022).

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9398. Л. 32–33.

⁸ Альбрехт Коссель (Albrecht Kossel, 1853–1927) — немецкий биохимик, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1910) за вклад в изучение химии клетки, внесённый исследованиями белков, включая нуклеиновые вещества. Профессор Берлинского (1887–1895), Марбургского (1895–1901) и Гейдельбергского (1901–1923) университетов.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9398. Л. 35–36, 38.

на командировку было получено лишь 7 февраля 1902 г., и, таким образом, она была осуществлена спустя год.

В январе 1901 г. после беспорядков 183 студента Киевского университета были отправлены в солдаты. В ответ на это в феврале — марте во всех университетских городах произошли демонстрации и «забастовки сочувствия». В марте 1901 г. в С.-Петербургском университете снова вспыхнули волнения студентов, протестовавших против репрессивной политики правительства и попечителя Петербургского учебного округа Н.Н. Сони́на. Собравшиеся 4 марта 1901 г. в Петербурге около Казанского собора студенты требовали возврата «академических свобод» и протестовали против «временных правил 1899 г.», позволявших, в частности, отдавать в солдаты студентов, обвинённых в антиправительственной деятельности. Участники манифестации были жестоко избиты и разогнаны городовыми и казаками. Среди демонстрантов были убитые и раненые, множество арестованных. Студентам стало известно о выступлении в Академии наук против этой политики академика А.С. Фаминцына, обратившегося затем с письмом к руководству Академии. Это письмо распространялось среди студентов в виде прокламации. Зная о близости А.А. Рихтера к студентам, можно предположить, что среди распространителей письма мог быть и он, близкий сотрудник и единомышленник А.С. Фаминцына.

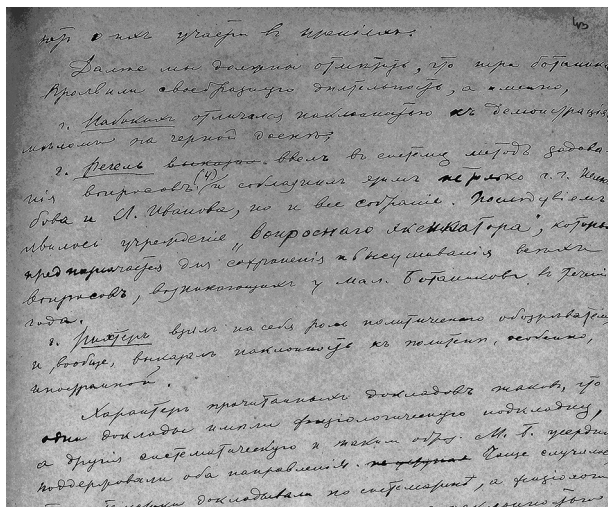

Рис. 2. Отчёт о деятельности кружка «Маленьких ботаников» за 1900 г.

Под п. 3 речь идёт об А.А. Рихтере¹⁰

Fig. 2. Annual report of «The Little Botanists» Society for 1900. A.A. Richter is mentioned in item 3

В эти же годы наметились и другие направления общественных интересов и деятельности А.А. Рихтера. Андрей Александрович не оставался в стороне от проблем местной жизни и, как отца, его стали выбирать в органы земского самоуправления. Будучи выбранным от Перемышльского уезда гласным в Калужское губернское земское собрание, он неоднократно там выступал по различным вопросам, о чём свидетельствуют отчёты в газете «Калужские губернские ведомости» за эти годы.

¹⁰ СПбФАРАН. Ф. 305. Оп. 1. Д. 20. Л. 43.

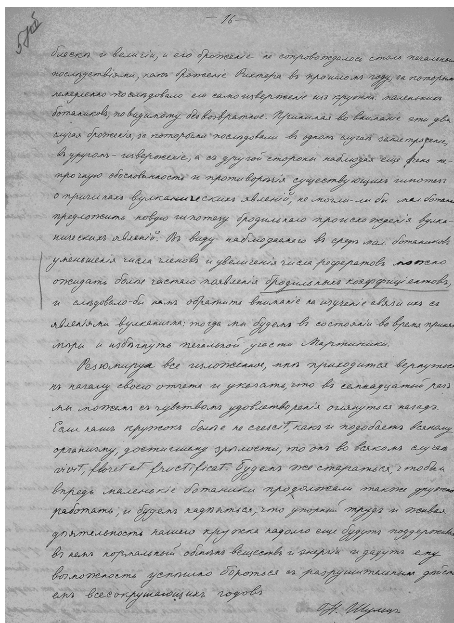

Рис. 3. Отчёт о деятельности кружка «Маленьких ботаников» за 1902 г.
В первых строках речь идёт о «брожении Рихтера» и его уходе из кружка¹¹

Fig. 3. Annual report of “The Little Botanists” Society for 1902. “Richter fermentation” and his exit from the society is discussed at the top of the page

Ещё одно поле деятельности открылось перед А.А. Рихтером в связи с избранием его 25 марта 1899 г. в члены Общества вспомоществования студентам С.-Петербургского университета. Здесь он выдвинулся как деятельный сотрудник, помогая делу строительства новой студенческой столовой и её обустройству¹². С октября 1899 г. А.А. становится секретарём комиссии по управлению студенческой столовой, оставаясь на этом посту вплоть до сентября 1913 г.¹³ Естественно, что он также участвовал во многих мероприятиях, организованных для студентов и самими студентами. Ученица В.Л. Комарова профессор О.Н. Радкевич вспоминает, что в начале 1900-х гг. в обществе младших преподавателей университета В.Л. Комаров с А.А. Рихтером, а также К.И. Дебу¹⁴ и ряд других преподавателей составляли: «левую, революционно настроенную группу».

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 305. Оп. 1. Д. 20. Л. 57 об.

¹² Здание столовой до сих пор существует, её адрес — Васильевский о-в, Биржевая линия, 6.

¹³ Сведения почерпнуты из ежегодных отчётов Общества вспомоществования студентам ИСПбУ за 1899–1914 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.museums.spbu.ru/pechatnyj/serii/otchety-obshchestva-vspomoshchestvovaniya-studentam-imperatorskogo-sankt-peterburgskogo-universiteta.html> (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁴ Константин Ипполитович Дебу (1867–1942, Ленинград) — русский и советский химик, педагог и переводчик. Его отец и дядя состояли в кружке Петрашевского. В 1890 г. окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1901 г. состоял лаборантом на Петербургских высших женских курсах. В последние годы жизни заведовал кафедрой химии в Ленинградском сельскохозяйственном институте. Умер в марте 1942 г. в блокадном Ленинграде.

Единственной отдушиной для открытой общественной работы в университете являлось в те времена «Общество вспомоществования студентам С.-Петербургского университета. <...> Здесь легальная работа переплеталась с нелегальной.

В.Л. Комаров и А.А. Рихтер организовали:

<...> кассу взаимопомощи, которая заботится о быте студентов, о приискании работы для них, о питании; при кассе открывается студенческая столовая на началах самообслуживания, с бесплатным хлебом. <...> В этот период общество принимает участие в расследовании «дела о студентах, пострадавших 9-го января» <...> Студенческая столовая общества служит, как и в других высших учебных заведениях, местом революционных встреч <...> (Ленинградский университет в воспоминаниях современников, 1982, с. 184).

7 ноября 1903 г. Андрей Александрович был избран в члены Комитета Общества (рис. 4), председателем которого через месяц был выбран крупнейший политический и государственный деятель С.Ю. Витте, много внимания уделявший развитию высшего образования в России¹⁵. Он сменил на этом посту знаменитого П.П. Семёнова-Тян-Шанского, 27 лет руководившего работой Общества.

Рис. 4. Андрей Александрович Рихтер в 1903 г., со своей двоюродной сестрой Елизаветой Александровной Гончаровой¹⁶ (из семейного архива)

Fig. 4. Andrey Aleksandrovich Richter in 1903, with his cousin Elizaveta Aleksandrovna Goncharova (from the Richter family archive)

¹⁵ Думается, что тогда же молодой Андрей Рихтер мог быть представлен Сергею Юльевичу, хорошо знавшему его отца — своего сотрудника по министерству финансов.

¹⁶ Елизавета Александровна Гончарова (урожд. Уманец, 1850–1924) — дочь Марии Александровны Рихтер (в замужестве Уманец), родной сестры Александра Александровича Рихтера, отца Андрея Александровича. Жена Александра Николаевича Гончарова, племянника И.А. Гончарова (Рихтер, Рихтер, 2020, с. 15–17).

Сложившаяся к этому времени разница в правовом положении и в оплате труда привела к обострению отношений привилегированной коллегии профессоров и остальных («младших») преподавателей Петербургского и Московского университетов. В 1903 г. в Петербурге было создано Общество взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений, принявшее устав и призывавшее отстаивать академические права своих членов. Оно стало организацией, представлявшей интересы довольно значительной группы преподавателей, считавшихся «пасынками» существовавшей тогда системы университетского образования. Младшие преподаватели университета были основными действующими лицами этого общества. Всего на начало 1904 г. в С.-Петербурге их числилось до 160, из них около 110 вошли в его состав. Это были приват-доценты, читавшие специальные (не основные) курсы лекций, ассистенты, лаборанты, хранители кабинетов, в той или иной степени привлекавшиеся к преподаванию (на практических и лабораторных занятиях). Одной из острых проблем была оплата их труда и услуг, устаревшая и не соответствовавшая требованиям и условиям времени. Андрей Александрович вскоре присоединился к этому обществу и стал его активным членом.

В России начиналась новая эпоха, предвещавшая перемены. С первых лет нового столетия, в предреволюционные годы, в российском обществе, особенно в кругах интеллигенции (врачей, адвокатов, университетской профессуры, земских деятелей), стали распространяться наряду с традиционными либеральными идеями и новые, более радикальные, в том числе и социалистические учения. Андрей Александрович Рихтер не остался в стороне от событий, а, напротив, оказался в гуще начавшегося в университете общественного брожения, охватившего студенчество и либерально настроенных преподавателей. Его взгляды и убеждения сформировались под влиянием идеологии народничества и либерализма. Возможно, многое он воспринял от своего отца, в молодости принадлежавшего к революционным кругам молодёжи 60-х гг. Как и многие, он осознавал необходимость перемен в обществе и государственном устройстве и не скрывал своих взглядов. Руководство университета и власти относились к нему как политически неблагонадёжному, что видно из запроса санкт-петербургского градоначальника, ссылавшегося на данные полиции за 1904 г. о причастности А.А. Рихтера к антиправительственной пропаганде¹⁷.

В начале августа 1903 г. в Швейцарии был основан «Союз освобождения», оформивший нелегальное либерально-демократическое движение передовых кругов российской интеллигенции. В учредительном съезде приняли участие Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.И. Вернадский, И.М. Гревс и др. Была выбрана тактика движения, состоявшая в «осаде» самодержавия с помощью публичных массовых кампаний. Союз выступил организатором «банкетной кампании», когда в Петербурге, Москве и других крупных городах с 20 ноября по случаю 40-летия судебной реформы устраивались собрания под видом банкетов, на которых представители либеральной оппозиции выступали с требованиями введения свобод и конституции. Со своим призывом — статьёй «Академическая свобода» выступил профессор К.А. Тимирязев. В статье «О профессорском съезде» В.И. Вернадский призвал к объединению преподавателей высшей школы в России:

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 102. Д. 3.

Надо идти тем же путем, надо создать единение профессорских коллегий организацией профессорских съездов, созданием «Ассоциации для достижения академической свободы и для улучшения академической жизни». Идея съездов на каждом шагу вызывается современной русской жизнью. Съезды земцев, адвокатов, городских представителей проложили путь, по которому должны пойти профессора, если они хотят, чтобы нужды их были услышаны... (Вернадский, 1904, с. 2).

В декабре 1904 г. «Союз освобождения» приступил к формированию профессиональных союзов для привлечения широких масс к участию в политическом движении. В феврале 1905 г. в столице они уже объединились и создали ЦК Союза союзов. На съезде, который проходил в Москве на частных квартирах 25–27 марта, была принята новая программа Союза, включившая требования созыва всенародного Учредительного собрания, 8-часового рабочего дня и отчуждения частновладельческих земель. Пытаясь объединить все враждебные самодержавию силы в единый фронт, Союз разработал и издал летом «Устав союза рабочих», а также проект российской конституции под названием «Основной закон Российской империи», в котором предусматривалось создание двухпалатного парламента. На следующем съезде, прошедшем 8–9 мая в Москве, был создан общероссийский «Союз союзов», самая крупная и влиятельная тогда политическая организация в России.

1905 г. начался с события огромного политического значения — расстрела и разгона в Петербурге мирной демонстрации рабочих 9 января; обнаружилась огромная пропасть между режимом и обществом, начались массовые антиправительственные выступления. Обстановка в университете, относительно ещё спокойная, была буквально взорвана, и сравнительное малолулье перед началом нового семестра было обманчиво, предвещающая грядущие события. Уже 16 января 1905 г. на собрании Санкт-Петербургского общества взаимопомощи лаборантов и доцентов высших учебных заведений была принята резкая антиправительственная резолюция по поводу «бойни мирных граждан»¹⁸. В знак протеста против расстрела мирной демонстрации 9 января собрание младших преподавателей университета 3 февраля 1905 г. приняло резолюцию, в которой заявлялось: «признавая правильное и нормальное течение академической жизни в настоящем семестре невозможным», «занятий в этом семестре не возобновлять»¹⁹. 7 февраля сходка студентов приняла резолюции о политической забастовке в университете, что вполне согласовывалось с позицией младших преподавателей университета. В сходке участвовало большинство студентов (около 2 500 из примерно 4 500 учившихся в это время в университете), и на ней было принято решение о забастовке.

Так началось противостояние организации младших преподавателей и руководства университета, всё более обострявшееся с ходом событий. Ректор А.М. Жданов пытался предпринять меры к прекращению деятельности Санкт-Петербургского общества взаимопомощи лаборантов и доцентов высших учебных заведений в стенах университета, о чём свидетельствует его переписка с председателем общества

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 62.

¹⁹ Постановление Собрания доцентов, лаборантов и оставленных при университете, состоявшееся 3 февраля 1905 г. в Физическом институте университета. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9947. Л. 1.

приват-доцентом Н.О. Лосским²⁰. Было очевидно нежелание ректора и Совета университета вести диалог с приват-доцентами и другими младшими преподавателями, обсуждать их дерзкое поведение и резолюции в университетском Совете и вообще допускать дальнейшее проведение собраний их по существу нелегальной организации. Администрация университета и его Совет хотели «поставить на место» младших преподавателей. На заседании Совета 10 февраля решение собрания младших преподавателей о невозобновлении занятий в текущем семестре «вызвало крайнее недоумение» (хотя сам Совет в том же заседании постановил до конца февраля занятий не возобновлять). Было решено просить ректора «узнать действительные намерения приват-доцентов, лаборантов и проч. в случае возобновления занятий в университете»²¹. Ректор обратился с запросом ко всем приват-доцентам и лаборантам, готовы ли они «в случае возобновления занятий и лекций в СПб университете в текущем весеннем полугодии 1905 г. исполнять лежащие [на них] служебные обязанности». Примечательно, что в первоначальном черновом варианте этого обращения в случае отрицательного ответа всем приват-доцентам и лаборантам предлагалось подать прошение об увольнении из университета, однако затем это требование было вычеркнуто. Письмо между тем оставалось весьма резким по форме — ректор требовал «разъяснений письменно и незамедлительно». Однако организаторы собрания и основные инициаторы упомянутой резолюции В.М. Гессен²², Н.О. Лосский²³ и К.М. Дерюгин²⁴, как и большинство его участников, на письмо ректора не откликнулись.

В высших сферах всерьёз обсуждались вопросы о лишении профессоров и других преподавателей жалования и об иных репрессиях в отношении университета, а стремительно менявшаяся обстановка в стране вынуждала самодержавие ко всё большим уступкам обществу и большей умеренности в своих карательных действиях. В середине февраля 1905 г. 23 профессора ИСПБУ выступили с публичным заявлением о том, что «не сочувствуют забастовке против науки, но признают нравственно невозможными для себя занятия при нынешних обстоятельствах» (Иванов, 1971, с. 88). 18 февраля был выпущен известный рескрипт Николая II, инициированный ми-

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 61–74; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9947.

²¹ Журналы заседаний Совета ИСПБУ за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 19 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.museums.spbu.ru/pechatnyj/serii/protokoly-2.html> (дата обращения: 10.02.2022).

²² Гессен Владимир Матвеевич (1868–1920) — юрист, приват-доцент по кафедре полицейского права юридического факультета (с 1896 г.). Преподавал в Александровском лицее и Политехническом институте. С конца 90-х гг. вёл активную общественно-политическую деятельность — участвовал в издании газеты «Право», в работе земских организаций, «Союза Освобождения». Публицист, член ЦК кадетской партии, депутат II Государственной Думы.

²³ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — приват-доцент, философ, один из основателей направления интуитивизма в философии. Окончил естественное отделение физико-математического факультета (1895); с 1894 г. посещал лекции на историко-филологическом факультете (окончил в 1898 г.). Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Приват-доцент (1900), экстраординарный профессор СПбУ (1916). После революции 1917 г. был лишён кафедры и в 1922 г. выслан из России.

²⁴ Дерюгин Константин Михайлович (1878–1938) — хранитель зоологического кабинета, впоследствии видный гидробиолог и зоолог. По отзывам, вся активность его после закрытия университета в 1905 г. была направлена на общественную деятельность в «ассоциации доцентов и ассистентов» (СПбФ АРАН. Ф. 923. Оп. 3. Д. 118. Л. 116).

нистром внутренних дел А.Г. Булыгиным, о созыве народного представительства. В то же время ректор А.М. Жданов и инспектор студентов М.П. Лысов получили «высочайший выговор», а всему университету было объявлено «высочайшее неудовольствие»²⁵.

Ещё 19 января 1905 г. в петербургской газете «Наша жизнь» была напечатана «Записка о нуждах просвещения», более известная как «Записка 342-х». Она была подготовлена к 150-летию юбилею Московского университета, но юбилейные торжества были отменены в связи с кровавыми событиями 9 января в С.-Петербурге. Её подписали 342 учёных и преподавателей различных высших учебных заведений, в основном из Москвы и Петербурга (16 академиков, 125 профессоров, 201 приват-доцент и др.). Среди них были крупнейшие деятели науки, такие как К.А. Тимирязев, И.П. Павлов, Н.Н. Бекетов, В.И. Вернадский, А.С. Фаминцын, И.П. Бородин, С.Ф. Ольденбург, А.А. Веселовский, А.М. Ляпунов, А.А. Шахматов и др. «Записка...» стала первым ширококвотельным обращением российских учёных ко всему русскому обществу, в ней были изложены основы либеральной политической программы, а также взгляды на дальнейшую судьбу России. В «Записке...» решительно утверждалось, что «...академическая свобода несовместима с современным государственным строем России. Для достижения ее недостаточны частичные поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование».

«Записка...» была задумана как учредительный манифест и идейная декларация возникавшей в тот момент профессиональной и политической организации — ассоциации деятелей науки и высшей школы — Академического союза. Среди подписавших этот документ были и непосредственные учителя Андрея Александровича — академики Фаминцын и Бородин. Последний в ответ на выговор со стороны президента Санкт-Петербургской академии подал прошение об отставке. А.А. Рихтер был в курсе событий и мог поступить солидарно с ними. Поэтому есть основания предполагать, что среди подписей двухсот приват-доцентов можно обнаружить и автограф А.А. Рихтера, настолько идеи «Записки...» были близки его убеждениям. Сбор подписей в редакции газеты продолжался до конца года, и число подписавших достигло 1 800 человек. Учредительный съезд Академического союза состоялся в С.-Петербурге 26–28 марта 1905 г. Одним из организаторов был В.И. Вернадский. В его бумагах этого времени сохранился проект Академического Союза, написанный профессором Д.С. Зерновым и содержащий собственноручные добавления В.И. Вернадского²⁶. Возможно, он был положен в основу принятых на съезде документов и поэтому может представлять самостоятельный интерес (рис. 5).

На съезде было решено прекратить чтение лекций вплоть до установления автономии высших учебных заведений в виде самоуправления академических советов и выборности ректоров, была принята резолюция, в которой заявлялось о необходимости коренного преобразования государственного строя России.

²⁵ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Ректору ИСПБУ, 20 февраля 1905 г. № 2484. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16323. Л. 22.

²⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 95. Л. 2–3.

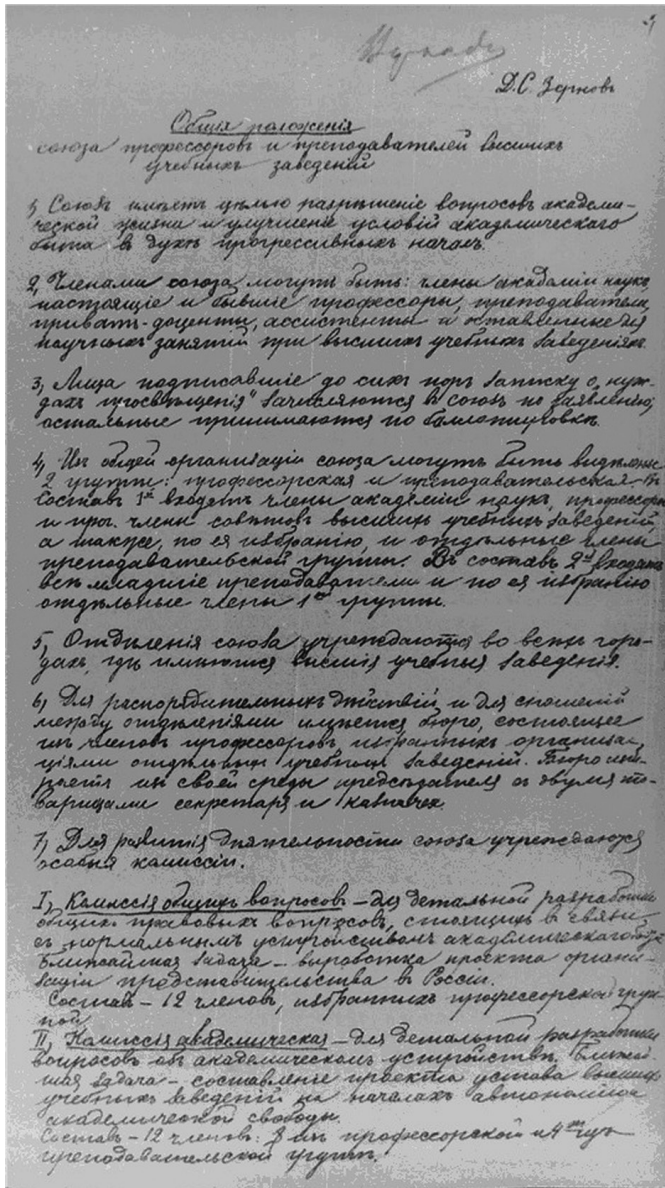

Рис. 5. Общие положения Союза профессоров и преподавателей высших учебных заведений (проект Д.С. Зернова, завизированный В.И. Вернадским, стр. 1)
Fig. 5. General provisions of the Union of Professors and Lecturers of Higher Educational Institutions (project by D.S. Zernov, endorsed by V.I. Vernadsky, p. 1)

От Академического союза осталось немного опубликованных документов и отложившихся в архивах материалов²⁷, и поэтому для нас важны свидетельства современников. Непосредственный участник событий профессор Н.И. Кареев, одно время бывший председателем Академического союза, вспоминал:

<...> одним из результатов Академического союза было более резкое, чем то было раньше, разделение профессуры на правую и левую. В самой левой части профессуры обнаружился некоторый антагонизм между старшими и младшими преподавателями, т. е. между профессорами, с одной стороны, и приват-доцентами, ассистентами, лаборантами — с другой (Кареев, 1990, с. 232–233).

А.А. Рихтер запомнился В.И. Вернадскому как молодой блестящий оратор на заседаниях этого учредительного съезда (Вернадский, 2006, с. 336). Судя по его воспоминаниям, Андрей Александрович выступал довольно резко на заседаниях учредительного съезда и занял свое место среди наиболее радикально настроенной части Академического союза. В.И. Вернадский писал об А.А. Рихтере: «Помню его молодого, блестящего оратора, левого — казалось яркого учёного — во время Академического Союза. Помню, что меня утешал тогда П.Ф. Лесгафт — при его выступлениях, срывавших под лозунгом левизны работу съезда». В конце мая того же года Андрей Александрович участвовал в не санкционированном властями Всероссийском земском съезде (4-м, или коалиционном) в Москве, собравшем 225 представителей и принявшем либеральную программу преобразования общества и решения земельного вопроса в России.

В связи с беспорядками занятия в университете так и не были возобновлены, и в течение всего весеннего семестра 1904/1905 учебного года университет был закрыт, и многие его студенты, с головой окунувшись в революционную стихию, были ею полностью захвачены. Некоторое затишье наступило во время летних каникул. В июне 1905 г. Министерство народного просвещения выработало план введения ограниченной университетской автономии. 18 августа предложения министерства были одобрены императором, 26 августа новые «Временные правила об управлении университетами» были приняты Советом министров, а на следующий день вышел высочайший указ, вводивший их в действие. Эти правила восстанавливали основы университетского самоуправления, утраченные в 1884 г., включая выборность ректора и деканов. Первым избранным ректором университета стал заслуженный ординарный профессор по кафедре физики И.И. Боргман, сторонник умеренно-либеральных взглядов. С 5 по 12 октября прошли выборы нового органа студенческого самоуправления — совета старост. Ректор и Совет университета приветствовали создание совета старост как органа студенческого самоуправления и одобрили передачу студентам функций, связанных с распределением стипендий, подысканием заработка, управлением столовой и т. п. Эти вопросы бурно обсуждались на первых же студенческих сходках сентября, особенно 19-го числа, в день открытия занятий.

²⁷ Архив Союза до сих пор недоступен. П.Б. Струве в декабре 1917 г. перед своим отъездом на Дон передал его С.Ф. Ольденбургу вместе с другими важнейшими документами на хранение в Архив Российской академии наук. Во время очередной чистки в Академии в 1930 г. он был обнаружен и тут же засекречен (Пайпс Р., Струве. Биография. Т. 1. С. 432–433).

Делами столовой и вообще помощью студентам наряду с другими преподавателями занимался с начала 1900-х гг. А.А. Рихтер, входивший в Общество вспомоществования студентам С.-Петербургского университета. В силу принятых на себя обязанностей он оказывался очевидцем и участником многих событий того времени. Так, в воскресенье 2 октября в университете произошли массовые столкновения студентов и «посторонних» горожан с полицией и казаками, одно из них — у здания только что построенной студенческой столовой. Оно описано в протоколе Совета университета:

Столовая обыкновенно бывает в такое время полна народом. Конечно, любопытные, многие без шапок и пальто высыпали на панель перед столовой. Со стороны Малой Невы показались конные полицейские. Сперва они проехали мимо, потом повернули обратно и с небольшого расстояния в карьер ринулись на стоящих на панели у здания столовой студентов и курсисток и начали наносить удары шашками и нагайками²⁸.

3 октября ректор доложил на заседании Совета новый проект Устава студенческой столовой, разработанный специальной комиссией, причём сообщил:

<...> то положение о столовой, которое было выработано ранее Правлением, предполагало сосредоточить все заведывание в руках одного лица — заведующего. <...> Между тем во всех студенческих столовых студенты принимают самое деятельное участие в заведывании столовой.

Участие студентов в заведывании является неперенным условием возможности существования столовой. <...> В настоящее время <...> дело ведется студентами, принимавшими большое участие в управлении прежней столовой. Ими же под руководством члена Советской Комиссии Ив. Мих. Гревса и при участии младших преподавателей К.М. Дерюгина и Ф.Е. Тура²⁹ выработан предлагаемый настоящий проект³⁰.

На этом же заседании Совет обсудил и утвердил новое положение о студенческой столовой.

Уже со второй половины сентября 1905 г. руководство университета и профессорский Совет столкнулись с новой проблемой — массовыми антиправительственными митингами в учебных помещениях, находившихся под защитой академической автономии и свободных от присутствия полиции и воинских частей. Сначала митинги проходили во внеучебное время, но вскоре — без всяких ограничений. Занятия стали невозможными, и к октябрю университет и многие другие высшие учебные заведения превратились в центры фактически легальной подготовки все-

²⁸ Журналы заседаний Совета ИСПбУ за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 110 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.museums.spbu.ru/pechatnyj/serii/protokoly-2.html> (дата обращения: 10.02.2022).

²⁹ Тур Фёдор Евдокимович (1866—1942) — приват-доцент кафедры зоологии, сравнительной анатомии и общей физиологии ИСПбУ. Один из основателей (1903), профессор и ректор Женского педагогического института в СПб. Умер в блокадном Ленинграде.

³⁰ Журналы заседаний Совета ИСПбУ за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 113—114 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.museums.spbu.ru/pechatnyj/serii/protokoly-2.html> (дата обращения: 10.02.2022).

общей политической стачки. Как альтернатива снова встала необходимость закрытия университета и прекращения учебных занятий — этого требовали правительство и полицейские власти, но не хотело большинство членов профессорского Совета и новый ректор.

С новой силой после указа о восстановлении университетской автономии возобновилось и внутрикорпоративное противостояние «старших» и «младших» преподавателей. На собрании 21 сентября Организация младших преподавателей приняла следующее заявление:

В виду происходящей реорганизации Университета на автономных началах, мы, младшие преподаватели С.-Петербургского Университета, на собрании своем 21-го Сентября постановили войти в Совет Университета с заявлением о необходимости допустить наших делегатов в Совет и Факультеты.

Потребность в подобном представительстве уже давно назрела в среде младших преподавателей. Целостность преподавания и правильность его постановки могут быть обеспечены только в случае, если многочисленная группа младших преподавателей, принимающая активное участие во всех отраслях учебного дела не будет оставлена безгласным свидетелем решаемых в Университете вопросов академического строя. Собрание полагает, что привлечение делегатов в Совет и Факультеты конечно с правом решающего голоса является необходимым развитием идеи автономного Университета и потому не может быть ни отвергнуто, ни отсрочено без внутреннего противоречия с этой идеей. Особенно неотложным является подобное представительство в дни переживаемого ныне Университетом тяжелого кризиса.

Входя с настоящим заявлением, бюро общего собрания имеет честь сообщить основные начала вышеуказанного представительства, выработанные общим собранием:

1) Общее собрание младших преподавателей избирает из лиц, принадлежащих к каждому данному Факультету, четырех делегатов для участия в факультетских заседаниях.

2) Означенные лица вместе с председателем и двумя вице-председателями организации участвуют в заседаниях Совета. Подписал: Председатель бюро Владимир Гессен. Секретари К. Дерюгин и Н. Лосский³¹.

Это решительное заявление было вручено позднее делегацией Организации Совету, на его заседании 15 октября, правда, в несколько смягченном виде. Из протокола этого заседания (рис. 6) мы узнаём, что ректор сообщил:

<...> о ходатайстве делегатов от младших преподавателей в виду критического момента в жизни Университета допустить их в настоящее заседание Совета с правом совещательного голоса, Совет по непродолжительном обсуждении большинством 37 против 17 голосов постановил: допустить делегатов г.г. младших преподавателей в настоящее заседание Совета с правом совещательного голоса.

³¹ Постановление собрания младших преподавателей ИСПБУ 21 сентября 1905 г. Приложение к журналу заседания Совета ИСПБУ 15.10.1905. Журналы заседаний Совета ИСПБУ за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 176–177 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.museums.spbu.ru/pechatnyj/serii/protokoly-2.html> (дата обращения: 10.02.2022).

Делегаты от младших преподавателей явились в настоящее заседание Совета в следующем составе: г.г. приват-доценты: Сперанский³², Рихтер, Лосский, Пиленко³³, Комаров³⁴, Святловский³⁵ и г.г. лаборанты: Дерюгин и Добиаш^{36, 37}.

Среди названных делегатов мы видим А.А. Рихтера и многих других впоследствии широко известных деятелей науки и просвещения. Делегаты заявили, что «младшие преподаватели в своей среде исключают всякую мысль о закрытии Университета и о выходе в отставку всего преподавательского персонала в такое время напряжения всех сил в борьбе за свободу»³⁸.

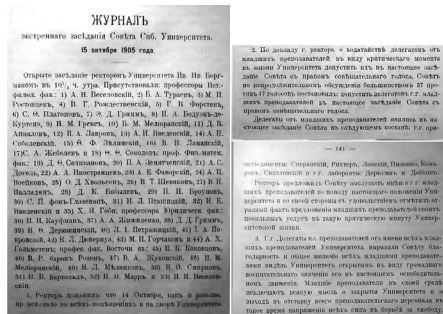

Рис. 6. Журнал заседания Совета ИСПБУ от 15 октября 1905 г. Справа — фрагменты протокола на с. 140–141, где речь идёт о выступлении делегации от младших преподавателей

Fig. 6. Journal of the Saint Petersburg Imperial University Council meeting on October 15, 1905. Fragments on the right are from pp. 140–141 of the meeting protocol, which refer to the presentation of the junior lecturers delegation

³² Сперанский Валентин Николаевич (1877–1957) — юрист, приват-доцент (1903), магистр государственного права по кафедре энциклопедии и философии права, профессор СПбУ (1917–1920). В 1924 г. эмигрировал. Преподавал в Русском народном университете в Париже, сотрудничал в эмигрантских газетах.

³³ Пиленко Александр Александрович (1873–1956) — юрист, приват-доцент по кафедре международного права ИСПБУ (1900–1911), профессор (1911–1917). Гласный городской Думы СПб., сотрудник газеты «Новое время». С 1919 г. в эмиграции (Париж).

³⁴ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) — ботаник и географ. Приват-доцент ИСПБУ (1902), профессор (1918). Действительный член Российской АН (1920), президент АН СССР (1936).

³⁵ Святловский Владимир Владимирович (1871–1927) — экономист, историк, приват-доцент (1901), магистр политической экономии. С 1905 г. состоял в «Союзе союзов», был избран членом бюро и казначеем «Союза союзов». Принял участие в создании первых легальных рабочих профсоюзов в России. В ноябре 1905 г. избран членом Центрального бюро профсоюзов.

³⁶ Добиаш Александр Антонович (1875–1932) — лаборант физического института при ИСПБУ (1901). Впоследствии известный физик, педагог, профессор Воронежского СХИ (1913).

³⁷ Журнал экстренного заседания Совета ИСПБУ, 15.10.1905. Журналы заседаний Совета ИСПБУ за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 139–144 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.museums.spbu.ru/pечатnyj/serii/protokoly-2.html> (дата обращения: 10.02.2022).

³⁸ Там же.

На следующем заседании Совета 17 октября, когда обсуждался вопрос о реакции университета на решение министерства народного просвещения о его закрытии, ректор доложил Совету о ходатайстве делегатов от младших преподавателей Университета, «допустить их с правом совещательного голоса в настоящее заседание Совета». Но в этот раз Совет ввиду «категорично выраженного несогласия некоторых членов Совета» решил не допускать делегатов организации младших преподавателей на его заседание. В то же время по решению Комиссии Совета, в состав которой на заседание были приглашены и младшие преподаватели, «было признано необходимым учредить на все время, в течение коего можно было ожидать столкновений у входов в Университет с полицией и войсками, дежурства в составе одного профессора и трех младших преподавателей. Эти дежурства оказались весьма важными и полезными и с их помощью устранено не одно столкновение»³⁹.

На заседании 17 октября Совета университета случился неприятный казус: после краткого перерыва ректор доложил Совету, что «делегаты от младших преподавателей удалились, повидимому, не дождавшись ответа со стороны Совета на их ходатайство». Он предложил «выразить г.г. мл. преподавателям от имени Совета благодарность за их услуги, неоднократно проявлявшиеся и в настоящее тяжёлое для Университета время между прочим в дежурствах, и сожаленье по поводу происшедшего досадного недоразумения». Во время краткого перерыва заседания Совета до многих членов Совета дошли известия о том, что подписан «высочайший манифест громадной государственной важности», и Совет решил дальнейшее обсуждение протеста отложить и настоящее заседание закрыть.

Однако на следующий день общее собрание младших преподавателей Санкт-Петербургского Университета постановило:

<...> выслушав заявление г. Ректора о том, что Совет профессоров высказывает сожаление по поводу происшедшего вчера инцидента, относится к этому заявлению с полным доверием и выражает со своей стороны глубокое сожаление по поводу того, что в среде Совета имеется реакционное меньшинство. При этом собрание еще раз заявляет, что необходимость немедленного предоставления решающего голоса делегатам в Совете и факультетах остается твердым убеждением младших преподавателей С.-Петербургского Университета.

Подписал: Секретарь Собрания К. Дерюгин⁴⁰.

Несмотря на общий энтузиазм по поводу Манифеста 17 октября, «даровавшего конституцию», правительство с конца октября поторопилось закрыть университет и другие вузы столицы, пытаясь сбить волну нарастающей революции. По прошествии времени острота возникшей ситуации стала заметно снижаться, и 17 декабря 1905 г. Совет университета решил отложить «обсуждение вопроса о характере и способе участия г.г. младших преподавателей в заседаниях факультета, как второстепенной важности

³⁹ Журнал экстренного заседания Совета ИСПбУ, 17.10.1905. Журналы заседаний Совета ИСПбУ за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 148 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.museums.spbu.ru/pechatnyj/serii/protokoly-2.html> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴⁰ Журналы заседаний Совета ИСПбУ за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 170–171 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.museums.spbu.ru/pechatnyj/serii/protokoly-2.html> (дата обращения: 10.02.2022).

сравнительно с имеющимся на очереди обсуждением проекта основных положений устава» (университета. — *Прим. авт.*)⁴¹.

А.А. Рихтер, как и многие его коллеги, был в это время поглощён общественной деятельностью, защищая интересы младших преподавателей в рядах Общества взаимопомощи лаборантов и приват-доцентов, в Академическом союзе, заботясь о нуждах студентов в Обществе вспомоществования студентам, в комиссии по управлению студенческой столовой. Недавно построенная новая столовая была ещё на руках Общества вспомоществования и требовала усиленного внимания, так как её помещение стало использоваться для разных собраний и студенческих сходок (рис. 7). Её собственником был университет, но его руководство не спешило принять на себя административное ведение всех её дел, в том числе финансовых.

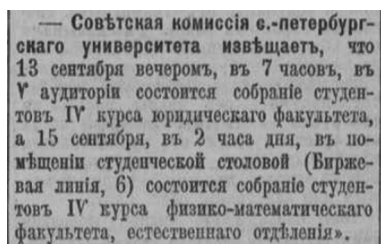

Рис. 7. Извещение Советской комиссии о собраниях студентов ИСПбУ в «Русской газете» от 12 сентября 1905 г., № 341, с. 3⁴²

Fig. 7. The Soviet Commission notice about the meetings of Saint Petersburg Imperial University students in the “Russkaia gazeta”, September 12, 1905, No. 341, p. 3

В общем можно отметить, что в Петербургском университете противоречия между старшими и младшими преподавателями не достигли такого резкого противостояния, как, например, в Московском университете. В Петербурге состав «приват-доцентской» фракции был слишком представительен: в неё входили известные учёные, занимавшие ведущие позиции в других высших учебных заведениях столицы. Многие из них имели учёную степень доктора (при том, что она отсутствовала у ряда профессоров), многие были действительными членами Академии наук, — поэтому отношение к ним как к «младшим товарищам» для профессорского Совета было во всех отношениях затруднительным. С другой стороны, у таких «младших преподавателей», часто в карьерном отношении состоявшихся и достойно материально обеспеченных, не было необходимости для конфронтации со «старшими». В среде «младших преподавателей» доминировали либеральные политические настроения, близкие большинству профессорского Совета. Они также негативно относились к студенческим забастовкам и срыву учебных занятий, считая такую форму протеста «не только бесполезной и недействительной, но и вредной» (Савич, 1905). Вообще «университет не может быть очагом революции, он гибнет от партийной борьбы» (Гревс, 1906).

⁴¹ Журналы заседаний Совета ИСПбУ за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 206–207 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.museums.spbu.ru/pechatnyj/serii/protokoly-2.html> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴² [Электронный ресурс]. URL: https://history.museums.spbu.ru/images/Gazety/Ruskygazeta/Russkay_gazeta19053411209SovetskayaP3.png (дата обращения: 10.02.2022).

При обсуждении проекта устава университета младшим преподавателям удалось фактически связать вопрос о расширении собственных академических прав с общей программой либерализации высшей школы. Более радикальные устремления были свойственны немногим членам их организации, оказавшимся в одиночестве под огнём критики старших коллег. К таким радикалам принадлежал приват-доцент А.А. Рихтер, резкие выступления и высказывания которого создали весьма напряжённые отношения между ним и большинством коллег, надолго предопределив дальнейшую его судьбу как преподавателя университета⁴³. В дальнейшем во время спада революционного движения организация младших преподавателей, оставшись без поддержки, довольно скоро утратила свое влияние, многие из активных участников вышли из её рядов в связи с общим упадком академического движения в вузах страны. Естественно, что и многие его участники пережили разочарование и отошли от движения.

Но ещё оставались возможности участия во вновь образовавшихся после 17 октября политических партиях, и А.А. Рихтер вступил в ряды партии демократических реформ (так называемой Радикальной партии)⁴⁴, в целом занявшей позиции либерально-центристского толка. Её лидером в это время стал вернувшийся из-за границы выдающийся общественный деятель и всеевропейски известный учёный, историк и социолог М.М. Ковалевский⁴⁵. В программе партии провозглашались основные демократические принципы, наиболее законченной формой политического строя признавалась демократическая республика с проведением принципа широкой национально-политической автономии, выставлялись требования распространения политических прав на женщин, немедленного уничтожения всех сословных различий, всех титулов, чинов, знаков отличий и т. д., полного отделения церкви от государства и школы от церкви, бесплатное и обязательное первоначальное обучение, широкой реформы существующих условий военного строя и военной службы с проведением милиционного принципа. По самому наболевшему в России аграрному вопросу, Радикальная партия признавала необходимым образование земельного фонда путём экспроприации безо всякого вознаграждения земель государственных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных, а также экспроприации за минимальное вознаграждение частновладельческих земель, установления максимального предела частного владения землёю с тем, чтобы экспроприации подлежало всё количество земли, превышающее этот максимум владения, отдачу из земельного фонда земель только в арендное пользование лично обрабатывающим землю. Ближайшей своей задачей партия считала немедленный созыв Учредительного собрания на основах всеобщего для всех граждан и гражданок рав-

⁴³ По свидетельству К.Т. Сухорукова, «активное участие Андрея Александровича в прогрессивно-политической жизни университета и студенческих волнениях препятствовали его служебному продвижению, и он почти до самой революции оставался только приват-доцентом и "хранителем ботанического кабинета" университета» (Сухоруков, 1949).

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 334.

⁴⁵ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — крупный учёный, историк и социолог, юрист. Общественный деятель и политик, публицист и издатель. Профессор Московского университета (1880–1887), С.-Петербургского университета, Бестужевских высших женских курсов и Политехнического института в С.-Петербурге (1906–1916), первый директор высших курсов биологической лаборатории П.Ф. Лесгафта, член Российской академии наук (1914). Депутат I Госдумы, член Государственного совета Российской империи.

ного, прямого и тайного голосования. Эта программа была близка платформе более известной кадетской партии, что обусловило в дальнейшем непродолжительную историю партии демократических реформ. Она была создана членами Союзов адвокатов, врачей, железнодорожников в октябре — ноябре 1905 г. в Петербурге, её первое общее собрание состоялось 27 ноября 1905 г. Партия не прошла на выборах в Государственную думу и сошла с политической сцены в начале 1907 г. Около трёх месяцев в ней состоял и А.А. Рихтер. Многие из её членов перешли в кадетскую партию, другие, как и Андрей Александрович, остались вне партий. Он более не занимался политикой, вернувшись к занятиям наукой и преподаванию, лишь продолжая сотрудничество в университетском Обществе вспомоществования студентам.

Заключение

А.А. Рихтер был активным участником событий в Санкт-Петербургском университете. Мы видим его в нескольких ипостасях: как деятеля демократического движения оппозиционной части университетских преподавателей (в составе организации младших преподавателей, Академического союза), как функционера Общества вспомоществования студентам и как прогрессивно настроенного земского деятеля. Он пытался определить свою партийную принадлежность, вступив ненадолго во вновь созданную либерально-центристскую радикальную партию. В последующие годы его общественная активность сосредоточилась на участии в работе вновь организованных в С.-Петербурге негосударственных учебных заведений — различных учебных курсов, институтов (например, Психоневрологического института), научных лабораторий (например, Биологической лаборатории П.Ф. Лесгафта).

Именно в этот период его радикально-народнические взгляды молодого оптимиста прошли проверку событиями первой русской революции и после разочарования сменились сомнениями и скептицизмом. У него накопился собственный опыт общественного деятеля, показавший ему безусловную ценность практической деятельности для решения конкретных проблем (например, для улучшения положения студентов в университете). Он не пришёл к каким-то новым, более привлекательным идеям, оставшись в неявной оппозиции к существующим порядкам. Но его «брожение» закончилось. У него сформировалось принципиально отрицательное отношение к политическим методам общественных действий, неподобающим, как он считал, для членов университетских коллегий, стоящих «вне политической борьбы»⁴⁶. Для себя он выбрал поле деятельности в науке и преподавании. Его преподавательская деятельность, ограниченная в университете рамками «приват-доцентства», продолжалась, не принося ему удовлетворения, и он пытался выбраться из отведённых ему тесных рамок, найти применение своим силам и способностям преподавателя в других, большей частью вновь организованных учебных и научных заведениях. А.А. Рихтер продолжал научные исследования и получил новые результаты, его научные заслуги признавались коллегами, появились ученики и последователи. По существу, в предвоенные годы в научном плане А.А. Рихтер стал авторитетным исследователем и одним из лидеров среди петербургских физиологов

⁴⁶ Такая позиция А.А. Рихтера проявилась позднее, во время гражданской войны (1918–1919 гг., Пермский университет) (Рихтер, Рихтер, 2020).

растений. Признанием его научных заслуг стало в 1915 г. участие в комиссии по организации Русского Ботанического общества и разработке его устава.

Но продвижения А.А. Рихтера в служебной карьере так и не произошло. Его репутация среди некоторой части коллег и у руководства факультета и университета была скомпрометирована участием в студенческих беспорядках и организации младших преподавателей. У него создалась известность «конфликтного» человека благодаря его резким выступлениям и высказываниям в адрес руководства и отдельных коллег. С некоторыми из них его отношения были испорчены. Полицейские власти по-прежнему рассматривали его как неблагонадёжного сотрудника университета. Об этом может свидетельствовать записка декана факультета В.М. Шимкевича для В.Л. Комарова, сохранившаяся в фонде Архива АН СССР. Она не датирована, но по смыслу относится к 1914 г. Её автор в связи с уходом из университета в мае 1914 г. профессора В.И. Палладина предлагает В.Л. Комарову «сговориться» (так в оригинале. — *Прим. авт.*) относительно лица, которому можно поручить чтение курса физиологии растений: «Не остановиться на Костычеве? Рихтер опасен по своему нраву и он имел столкновения с некоторыми из наших преподавателей, которые, пожалуй, уйдут, если мы его выберем»⁴⁷.

В таких условиях А.А. Рихтер не мог рассчитывать на успешный результат защиты диссертации, даже если бы она была разрешена. Это объясняет, почему он так и не защитил магистерской диссертации, уж не говоря о докторской, и не мог претендовать на место профессора в столичных университетах. Бесспорно, это его нервировало и воспринималось болезненно. Новые перспективы открылись перед ним лишь накануне Февральской революции, и падение старого режима позволило ими воспользоваться. И он был откровенно рад, что, когда его спросили о согласии на переход в качестве профессора в организуемое в Перми отделение СПбУ, он увидел в этом предложении «...признание за мной Факультетом и, быть может, и более чем Факультетом, права на университетское преподавание»⁴⁸.

Жизненные уроки, усвоенные им, были очень важны. Как и многие люди его поколения, А.А. Рихтер проявил себя активным и бескомпромиссным деятелем либерально-демократического движения университетской интеллигенции. Но это движение, как и сама революция, потерпело поражение. Постигшие его разочарования привели к отходу от прежней активной деятельности. Его убеждения остались неизменными, он не собирался приспособливаться и сдавать свои принципиальные позиции. Стало ясно, что необходимо было искать новое место своей деятельности, ему надо было уезжать. Так сделали многие из его коллег по организации младших преподавателей. Их судьбы сложились по-разному, но никому, за редким исключением, не удалось сделать карьеру и стать штатным профессором своего университета. Новый старт они приняли лишь после второй революции в феврале 1917 г., когда перед ними открылись новые пути.

⁴⁷ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1598.

⁴⁸ Из письма А.А. Рихтера В.Л. Комарову 13 августа 1916 г. АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1246. Л. 12.

Литература

- Бубырева В.А., Гельтман Д.В.* В.Л. Комаров и Санкт-Петербургский университет // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12. № 4. С. 68–94.
- Вернадский В.И.* О профессорском съезде // Наши дни. 1904. 20 декабря. № 3. С. 2.
- Вернадский В.И.* Дневники 1935–1941 гг. М.: Наука, 2006. 739 с.
- Гревс И.М.* Университеты под режимом 8 июля 1906 г. // Право. 1906. № 34. Стб. 2689.
- Ванновский П.С.* Доклад о студенческих беспорядках 1899 года. СПб: Издание журнала «Северная Пальмира», 1906 [Электронный ресурс]. URL: <https://library6.com/books/681555.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
- Записка о нуждах просвещения // Наши дни. 1905. 19 января.
- Иванов А.Е.* Университеты в России в 1905 г. // Исторические записки. 1971. Т. 88. С. 114–149.
- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л.: ЛГУ, 1990. 384 с.
- Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2: Петербургский-Петроградский университет 1895–1917. Л.: ЛГУ, 1982. 225 с.
- Максимов Н.А.* «Тюремная автобиография». Ч. II (Публикация, предисловие и комментарии О.В. Максимовой) // Историко-биологические исследования. 2017. Т. 9. № 1. С. 68–104.
- Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. М.: ИХЛ, 1958. 848 с.
- Рихтер Я.А., Глебов М.П., Рихтер Т.Я.* Дорога в будущее: К истории кружка «Маленьких ботаников» // Историко-биологические исследования. 2018. Т. 10. № 4. С. 7–38.
- Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я.* Теперь работа, прежде всего работа особенно нужна для России... (А.А. Рихтер в 1917–1923 годы в Пермском университете) // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 9–34.
- Савич С.* Забастовки в высших учебных заведениях // Право. 1905. № 11. Стб. 808.
- Слепцова М.Н.* Штурманы грядущей бури (Из воспоминаний) // Звенья. 1933. Вып. II. С. 386–464.
- Строгонов Б.П.* Андрей Сергеевич Фаминцын (1835–1918) // М.: Наука, 1996. 178 с.
- Сухоруков К.Т.* Академик Андрей Александрович Рихтер // Памяти академика А.А. Рихтера. Труды Института физиологии растений АН СССР. 1949. Т. VI. Вып. 2. С. 3–9.

Facing the Choice: Serving Science or Society A.A. Richter in the events before and during the first Russian revolution, St. Petersburg, 1897–1906

YAKOV A. RICHTER, TATIANA YA. RICHTER¹

¹ Independent researcher, Saratov, Russia; errato19@gmail.com

This paper is dedicated to the unexplored social and political activities of A.A. Richter, a prominent scientist, botanist, and plant physiologist of the first half of the 20th century in Russia. At the beginning of the century, he faced a choice — to serve science or society. Initially, he tried to combine these objectives in his work. His public activity was evident already on the eve of the first Russian revolution of 1905–1906 during the student unrest at St. Petersburg University, then during the revolution itself in the events, that took place at the university, and related to it. He was sympathetic with students and

showed his solidarity with them, supporting students' demands and protests against the policies of the university leadership and the authorities. Along with other junior lecturers, he stood up to the rector and professorship, seeking better working conditions and respect for their rights as participants in the educational process.

After the revolution was defeated, he quit politics and returned to scientific work. Nonetheless, for many years A.A. Richter had actively cooperated with the University Students' Aid Society, and also participated in the Kaluga province zemstvo assemblies. However, his reputation had been damaged in the eyes of the department and university management, relationships with some colleagues deteriorated, and his academic career was irreparably damaged.

Many historical and biographical materials and documents used in the article are published for the first time, others, including previously published, had not yet been examined and studied in this context.

Keywords: junior lecturers, A.A. Richter, Academic Union, Students' Aid Society, Zemsky Union, Radical party, St. Petersburg University.

References

Bubyreva, V.A., Geltman, D.V. (2020). "V.L. Komarov i Sankt-Peterburgskii universitet" [Vladimir L. Komarov and St. Petersburg University], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 12 (4), 68–94 (in Russian).

Grevs, I.M. (1906). "Universitety pod rezhimom 8 iul'ia 1906 g." [Universities under the regime of July 8, 1906], *Newspaper «Pravo»*, no. 34 (in Russian).

Ivanov, A.E. (1971). "Universitety v Rossii v 1905 g." [Universities in Russia in 1905], *Istoricheskie zapiski*, 88, 114–149 (in Russian).

Kareev, N.I. (1990). Prozhitoe i perezhitoe [Enduring Times], Leningrad: Izd-vo LGU (in Russian).

Leningradskii universitet v vospominaniakh sovremennikov. Tom 2: Peterburgskii-Petrogradskii universitet 1895–1917 (1982). [Leningrad University in the memoirs of contemporaries. Volume 2: Petersburg-Petrograd University 1895–1917], Leningrad: Izd-vo LGU (in Russian).

Maksimov, N.A. (2017). "Tyuremnaia avtobiografiia". Chast' II (Publikaciya, predislovie i kommentarii O.V. Maksimovoi) ["Prison autobiography". Part II (Publication, introduction and comments by O.V. Maksimova)], *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 9 (1), 68–104.

Panteleev, L.F. (1958). Iz vospominaniĭ proshlogo [Memories of the past]. Moscow: Izd-vo hudozhestvennoj literatury (in Russian).

Richter, Ya.A., Glebov, M.P., Richter, T.Ya. (2018). "Doroga v budushchee: K istorii kruzhka "Malen'kikh botanikov"" [The Road to the Future: the History of "The Little Botanists" Society], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 10 (4), 7–38 (in Russian).

Richter, Ya.A., Richter, T.Ya. (2020). "Teper' rabota, prezhde vsego rabota osobenno nuzhna dlja Rossii... (A.A. Richter v 1917–1923 gody v Permskom universitete)" [Now work, first of all, work is especially needed for Russia... (A.A. Richter at Perm University in 1917–1923)], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 12 (1), 9–34 (in Russian).

Savich, S. (1905). "Zabastovki v vysshikh uchebnykh zavedeniiakh" [Strikes in higher education institutions], *Newspaper "Pravo"*, no. 11 (in Russian).

Sleptsova, M.N. (1933). "Shturmany griadushcheĭ buri (Iz vospominaniĭ)" [Steersmen of the coming storm (Memoirs)], *Zven'ia*, II, 386–464 (in Russian).

Strogonov, B.P., (1996). Andreĭ Sergeevich Famintsyn (1835–1918) [Andrey Sergeevich Famintsyn (1835–1918)], Moscow: Nauka (in Russian).

Sukhorukov, K.T. (1949). "Akademik Andrey Aleksandrovich Richter" [Academician Andrey Aleksandrovich Richter], *Pamiati akad. A.A. Richtera. Trudy Instituta fiziologii rastenii AN SSSR*, VI (2), 3–9 (in Russian).

Vannovsky, P.S. (1906). Doklad o studencheskikh besporiadkakh 1899 goda. SPb.: Izdanie zhurnala "Severnaia Pal'mira". Retrieved February 13, 2022 from <https://library6.com/books/681555.pdf> (in Russian).

Vernadsky, V.I. (1904). "O professorskom s"ezde" [About professors' congress], *Newspaper "Nashi dni"*, December 20 (in Russian).

Vernadsky, V.I. (2006). Dnevnik 1935–1941 gg. [Diaries 1935–1941], Moscow: Nauka (in Russian).

"Zapiska o nuzhdakh prosveshcheniia" (1905). [A communication on the needs of education], *Newspaper "Nashi dni"*, January 19 (in Russian).